

Я ВАМ ПИШУ

Культура. — 1995. — 20 мая. — С. 2.

ИМЕЮ ЧЕСТЬ...

Кампания для нас не новость (похуже с компаниями). Сейчас модно возвращать городам и улицам старые названия. Зачем! Потому ли, что старые красивее новых! Ностальгия по ушедшему чудесному человеку! По прекрасным человеческим качествам! Давайте-ка начнем кампанию за давно забытое слово — ЧЕСТЬ. Честное слово... Честь по чести... Имею честь... Отдать честь... Увы... Мы действительно отдали ее давно. Кому!

«Честь — общественно-моральное достоинство, то, что вызывает и поддерживает общее уважение, чувство гордости...».

(С. Ожегов «Словарь русского языка»).

Несколько лет назад молодой режиссер Виктория Харченко своими работами привлекает внимание тогдашнего директора Британского совета в Москве — стажировка в Англию. Он предлагает выдать ей определенную сумму денег для любого спектакля по английской литературе в любом театре. Какой пожелает. Харченко выбирает Шекспира «Мера за меру», пьесу, не шедшую в Москве с семнадцатого года. Она договаривается с Юрием Соломиным о возможности постановки ее в Малом театре художественным руководителем коего он является. Три года (сроки все время переносятся) Виктория готовится осуществить постановку. Получив «добро» от руководства театра, она заказывает знаменитому композитору Николаю Каретникову музыку к спектаклю, который заканчивает ее, но это — его лебединая песня. С согласия Соломина Харченко приглашает и меня. Еще успеваю порадоваться предстоящей встрече с Каретниковым. Так было хорошо, когда в Малом мы участвовали в создании «Коро-

ля Лира». Я в свою очередь приглашаю сделать костюмы прекрасного художника Ксению Шимановскую. Согласие сотрудничать с нами дал и замечательный специалист по пластике Геннадий Абрамов.

Осенью ожидается приезд английской королевы. Как все удачно складывается! Соломин через Харченко просит меня и Шимановскую срочно написать эскизы декораций и костюмов, чтобы не только ублажить высокую гостью, но и получить ускользающую (новый директор Британского совета недоволен отсрочками) обещанную субсидию... субстанцию... субординацию...

Нет, нет... Главное — не топориться. Бред начался чуть позже. А до того — на сборе труппы нынешнего сезона Харченко объявлена режиссером постановки «Мера за меру». Об этом же торжественно объявляет министр иностранных дел Козырев на открытии английской выставки в фойе театра. Затем Соломин, опять же через Харченко, просит меня закончить макет к 1 мая. Договор — вместе с тем не подписываются. Как-то не до того. То королева приезжает, то неожиданно Новый год, то надо ждать окончания процедуры заключения договора с англичанами (сумма в 9.000 долларов, не обеспечивающая даже гонорар постановочной группы, сама по себе вряд ли могла заинтересовать богатейший театр). «Ах, да неделей раньше, неделей позже — какая разница! Почему вы, Виктория, не верите людям? Я же сказал — вы будете ставить. Значит, будете», — говорит сладчайший Юрий Мефодьевич (а ходят слухи — Соломин человек верующий, а разговор происходит на страстной неделе). Только заходит как-то неверующая Виктория в Британский совет, а ей там соломинский факс

показывают, в котором он, Харченко от работы отстраняет. Выясняется — не дав Харченко ни одной репетиции, Соломин по каким-то своим особым соображениям передает идею постановки другому режиссеру. Кто захотел в этой грязи вымазаться неизвестно сегодня, но завтра наступит... История эта меня почему-то очень возмутила. До сих пор не перестаю изумляться подобному. И я решила поговорить с Соломиным.

Покажи мне своего секретаря, и я тебе скажу, кто ты. «По какому делу? По личному? У нас так не принято. Подождите, когда вам назначат». Я несколько растерялась, поскольку еще по Михаилу Ивановичу Цареву, игравшему Лира — самому терпеливому на примерках актеру. «У вас тут КГБ?», — спрашиваю. — «Пойдите и доложите». «Они обедают». — «Мы подождем». Однако пошла. Долго не возвращалась (!).

Держу пари, читатель. Ты полагаешь — сейчас выйдет Соломин и для начала, пусть с полугодовым опозданием, поблагодарит меня за бескорыстное оказанную ему услугу — два эскиза декораций к «Мере за меру», что до сих пор красуются в его кабинете, которыми он перед англичанами гордился. Проиграл, читатель. Вышла секретарша и заявила, что «они принять вас не могут, позвоните где-нибудь после праздников» (узнаю позже — после праздников театр уезжает на гастроли).

По природе я стилист. Обожаю форму «рондо». Поэтому вернемся к вопросу о чести.

При встрече (даст Бог не случится) я вам, Юрий Мефодьевич, руки не подам.

...Ты не забыл, читатель, что речь идет о «Доме Островского» — символе чистоты и высокой нравственности нашего театра? Не последуешь ли ты моему примеру?

Татьяна СЕЛЬВИНСКАЯ, сценограф, заслуженный деятель искусств России.